

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-183-24-34
УДК 81.243+81.25+316.77+81.276.5

Особенности перевода китайского военного сленга на русский язык

Данил Николаевич БЕЛОВ¹, Денис Владимирович СЕЛИВАНОВ²,
Петр Джонович МИТЧЕЛЛ²

¹ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9138-473X>, e-mail: dan5598@ya.ru

²Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Российская Федерация, г. Томск, ул. Ленина, 36
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8577-646X>, e-mail: franzguggel@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>, e-mail: peter_mitchell@mail.ru

Translation features of the Chinese military slang

Danil N. BELOV¹, Denis V. SELIVANOV², Petr J. MITCHELL²,

¹“Military University” of the Ministry of Defence of the Russian Federation
14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9138-473X>, e-mail: dan5598@ya.ru

²National Research Tomsk State University
36 Lenin St., Tomsk 634050, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8577-646X>, e-mail: franzguggel@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>, e-mail: peter_mitchell@mail.ru

Аннотация. В настоящее время особо актуальным в России является изучение китайского языка ввиду быстрого развития китайско-российских отношений партнерства и стратегического сотрудничества, а также в связи с участием России в Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС. Быстрыми темпами наращивается всестороннее военное сотрудничество между двумя странами, что выражается как в организации международных военных учений («Восток», «Морское взаимодействие»), армейских международных игр, так и в обмене технологиями и поставках военной и специальной техники. В связи с этим большую актуальность приобретает профессия военного переводчика китайского языка для обеспечения мероприятий подобного рода. Рассмотрен неформальный уровень военного дискурса китайского языка – военный сленг. Ввиду высокого уровня сотрудничества и взаимодействия между Китаем и Россией, а также малой изученностью китайского военного сленга и неформальной лексики, дальнейшая разработка темы будет играть значимую роль в улучшении методологии подготовки специалистов, военных переводчиков, а также в исследовании военного дискурса. Будет дано описание рассматриваемого феномена, проведен анализ выборки единиц неформального военного дискурса и предоставлен их перевод, а также сделан обобщающий вывод и обозначена сфера применения результатов исследования.

Ключевые слова: военный дискурс китайского языка; особенности перевода; межкультурная коммуникация; военный сленг

Для цитирования: Белов Д.Н., Селиванов Д.В., Митчелл П.Дж. Особенности перевода китайского военного сленга на русский язык // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 183. С. 24-34. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-183-24-34

Abstract. Nowadays, the study of the Chinese language is particularly relevant in Russia due to the rapid development of Sino-Russian partnerships and strategic cooperation, as well as Russia's participation in the Shanghai Cooperation Organization and BRICS. Comprehensive military co-

operation between the two countries is growing rapidly, which is expressed both in the organization of international military exercises (“East”, “Naval interaction”), International Army Games, and in the exchange of technology and the supply of military and special equipment. In this regard, the profession of a military interpreter of the Chinese language for providing events of this kind is becoming increasingly relevant. We consider the informal level of Chinese language military discourse— military slang. Due to the high level of cooperation and interaction between China and Russia, as well as the poor knowledge of Chinese military slang and informal vocabulary, further development of the topic will play a significant role in improving the methodology of training specialists, military interpreters, as well as in the military discourse study. A description of the phenomenon under consideration will be given, an analysis of a units sample of informal military discourse will be made and their translation will be provided, and a generalized conclusion will be made and the scope of the research results applied.

Keywords: Chinese military discourse; translation features; intercultural communication; military slang

For citation: Belov D.N., Selivanov D.V., Mitchell P.J. Osobennosti perevoda kitayskogo voyennogo slenga na russkiy yazyk [Translation features of the Chinese military slang]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 183, pp. 24-34. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-183-24-34 (In Russian, Abstr. in Engl.)

За последние два десятилетия внимание лингвистов в большой степени переключилось с письменного языка на разговорную живую речь, бурное развитие в этом плане получили когнитивная лингвистика и дискурсология. Исследование и анализ различных явлений, связанных с порождением устной речи и, в особенности, – с функционированием и взаимосвязями языковых единиц в различных социально-культурных, профессиональных и иных контекстах, стали актуальными также с точки зрения практического использования их результатов. Изучение разговорной речи также важно потому, что разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи. Также исследователями было замечено, что строгая литературноязыковая норма теряет свою обязательность и определенность, прескриптивизм в языке становится менее выраженным. Наблюдается проникновение в литературный язык элементов, ранее считавшихся «сленговыми».

Под китайским военным сленгом мы понимаем особый неформальный лексический слой, использующийся китайскими военнослужащими в процессе их профессиональной коммуникации в военном дискурсе. Необходимо отметить, что военный сленг затрагивает все стороны жизни военнослужащего, причина чего кроется в необходимости краткого и полного обозначения явлений и объектов в профессиональной деятельности военнослужащих. Сленговые выражения всегда

направлены на субъект, то есть возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное мнение. Мы можем сказать, что сленг является частью языковой картины мира человека и играет большую роль в его социализации в новом коллективе.

В рамках данной статьи стоит также рассмотреть понятие военного дискурса для лучшего понимания особенностей именно военного сленга на фоне остальных видов нелитературной лексики.

Появление понятия «дискурс» в какой-то степени изменило привычное понимание языка. Так, первый аспект дискурса описывает его как речь, помещенную в коммуникативный контекст. Второй аспект описывает его практическую сторону, связанную с циркуляцией информации в пределах коммуникативной ситуации через речевые акты. Так, В.З. Демьянков [1; 2] в своих работах дает общее понятие дискурса, как: «дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда он концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора

миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса».

Военный дискурс – это строго стандартизированный процесс порождения речи, присущий институту Вооруженных Сил, соотносимый с ним и реализующийся в сумме всех коммуникативных актов военнослужащих и гражданских кадров оборонного ведомства в синтезе с интра- и экстралингвистическими факторами, оказывающими постоянное влияние на развитие и формирование военного дискурса, а также его перцепцию в пределах соответствующего социального института [3].

Речевое поведение военнослужащего зачастую поддается определенному регламенту, в связи с чем характеризуется преобладанием речевых формул и клише. Также стоит принять во внимание тот факт, что коммуникативные стереотипы в этой среде имеют довольно устойчивый характер и слабо подвержены влиянию других сфер жизни.

Большая часть характеристик военного дискурса связана с армейской культурой, поскольку язык является серьезным орудием идеологической пропаганды и культурной политики. Наличие же идеологии модифицирует язык, вызывая появление большого количества неологизмов. Так, семантика данного дискурса обладает эксплицитной маскулинностью, так как одними из проявлений мужественности являлись армейская служба и участие в боевых действиях. Помимо этого, милитарный дискурс тесно связан со смежными видами дискурса, как-то: военно-патриотический, военно-политический, а также с теми видами дискурса, с которыми он связан на языковом уровне через метафоризацию, как, например, со спортивным дискурсом [3; 4].

Различия военного дискурса от других видов определяются экстралингвистическими факторами контекста общения и состоят в следующем. Во-первых, общетиповыми коммуникантами являются «командир и подчиненный» или «вышестоящий и нижестоящий», то есть данный тип дискурса является средством выражения иерархических отношений. Во-вторых, целью воспроизводства дискурса является организация деятельности, гарантирующей защищенность государства и его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз. В-третьих, идеалы и

ценности видятся в верности присяге и долгу, в достижении высокого уровня полевой выучки, боевого мастерства и т. д. В-четвертых, хронотопически он определяется любым единством времени и места, в которых выполняются учебно-практические или реальные боевые действия, направленные на защиту государства и его интересов. Будучи институциональным, военный дискурс включает в себя характерные только для него жанры, дискурсивные формулы, стратегии и прецедентные тексты [3, 5; 6].

Военный дискурс представляет собой один из наиболее характерных типов институционального дискурса, обладающий всеми основными свойствами формализованности, институциональности и ритуальности. В структуре военного дискурса можно обозначить понятия формального и неформального дискурса с текстовой основой в виде военных материалов.

У составляющих формальный военный дискурс военных документов и материалов военно-технического характера наблюдается ряд единых лексических особенностей [7]. Так, можно отметить частое применение военной терминологии, претерпевающей непрерывные изменения, связанные с прекращением употребления определенных слов, изменением их значения и появлением новых терминов. Причиной данных процессов является изменение структуры вооруженных сил, появление новых методов ведения войны и образцов вооружения и военной техники. Кроме того, военно-технические материалы и военные документы отличаются широким употреблением сокращений, условных знаков и индексных обозначений, необходимых для обозначения образцов вооружения и военной техники.

Значительное влияние на речевой портрет оказывает пространство проживания, и его смена влечет за собой изменения в речевом портрете, что ясно прослеживается на примере военнослужащих срочной службы – горожан, которые поступают в подразделение и, тем самым, сменяют относительно изолированное место жительства на казарму или боевой корабль, где сразу же происходит перераспределение используемых языковых средств, приобретение новых или утрата старых. Офицерский состав за свою службу может несколько раз сменить место службы, и

языковые особенности речи военнослужащих данных гарнизонов также влияют на его речевой портрет [3]. Достаточное количество новых сведений может дать разностороннее рассмотрение речевого поведения военнослужащего в различных ситуациях, формальных и неформальных, экстремальных и штатных. В целом, общение между двумя военнослужащими структурно состоит из последовательности достаточно регламентированных микроситуаций, вербальный ответ на которые характеризуется преобладанием речевых формул и клише.

Речевое поведение военнослужащего может быть представлено в определенных типовых ситуациях – боевой подготовке и боевом дежурстве, несении суточного наряда, казарменном быту. В данных ситуациях можно выявить как примеры стратегий и тактик, которых придерживаются участники дискурса, так и речевые клише, применяемые участниками дискурса в конкретной микроситуации.

Речевой портрет подразделяется на два главных аспекта. Первый объединяет особенности набора языковых единиц преимущественно фонетического и лексико-семантического характера, второй – особенности, отличающие речевое поведение представителей той или иной социальной группы [8]. Причина подобной дифференциации кроется в образовании военнослужащего, иными словами, одним из требований, предъявляемых к офицерскому составу, является наличие высшего образования, что оказывает положительное влияние на качественный уровень лексического содержания персонально-ориентированного дискурса офицера [7]. Таким образом, наличие богатого словарного запаса и умения с ним обращаться, и, что не менее важно, знание норм и правил грамматики и лексики родного и изучаемого языка представляется одной из ключевых частей речевого портрета специалистов данного профиля.

Необходимо подчеркнуть, что социально-профессиональная среда откладывает отпечаток на персональный и институциональный дискурс соответствующей социальной группы. Таким образом, можно сделать вывод, что речевой портрет военнослужащего определяется рядом социальных и ситуативных факторов, важнейшими среди которых

являются образование, возраст, пол говорящего, условия общения и сфера деятельности [9].

Таким образом, военный сленг можно назвать составной частью неформального уровня военного дискурса. Логика исследования требует, чтобы мы далее рассмотрели особенности неформального уровня военного дискурса в противопоставление формальному.

Во-первых, коммуникантами неформального военного дискурса в большинстве случаев будут не «подчиненный и начальник», а равностатусные лица, поскольку само употребление военного сленга в присутствии начальника не будет являться адекватным военной коммуникативной ситуации [10; 11]. Тем не менее вполне возможны случаи, когда командир/начальник использует военные сленгизмы в присутствии подчиненных.

Во-вторых, в неформальной части дискурса нивелируется институционализированность дискурса, большую роль приобретают лингвистические средства, не относящиеся к литературному языку, и поэтому нежелательные или вообще запрещенные к употреблению в институциональном дискурсе.

В-третьих, личностно-ориентированное ядро коммуникации и бытийный его характер не всегда служат целью выполнения поставленной задачи или должностных обязанностей. Тем не менее нельзя исключать, что для данных целей также может быть использован военный сленг ввиду его экспрессивности и глубины воздействия.

Можно утверждать, что военный сленг возникает как противовес жестко регламентированному институциональному военному дискурсу, является его «антиподом», высмеивающим в силу имманентных оценочных коннотаций все те негативные факторы, которые институт вооруженных сил привносит в жизнь военнослужащего. В связи с этим можно сказать, что военный сленг выполняет психологическую роль: отличительной чертой сленгизмов является шутливое отношение к обозначаемым объектам или явлениям, что можно рассматривать как ответную реакцию сознания на суровые условия войны.

В китайском языкознании и переводоведении очень слабо развито изучение военного сленга, большинство работ связано с изучением его американского варианта. При

этом важно учитывать разницу терминов “军语” и “军事俚语”, поскольку первый обозначает только формальную часть военного дискурса и акцентирует военную терминологию, когда в сферу денотации второго как раз попадает военный сленг [12].

Стоит отметить крайнюю скудность источников, в которых бы приводились или описывались китайские военные сленгизмы, что затрудняет обеспечение репрезентативности выборки. В выборку вошли 24 сленгизма с наиболее характерными для данного типа лексики особенностями. Были взяты различные источники из сети Интернет, произведения художественной литературы, статьи из китайских научных журналов и статья из газеты «Чжунго Гофанбао», а также собранный вручную языковой материал из живой речи китайских военнослужащих¹ [13]. Каждый сленгизм выборки снабжен примером использования в коммуникативной ситуации.

1. 挂花 (挂彩) (досл. «расцвести») – пролить кровь, получить ранение. Данный сленгизм имеет долгую историю возникновения.

а. «他在疗养所? 他挂花了, 是不是?» – «Он в лазарете? Зацвел, да?».

б. «二连指导员挂花了, 我和张培商量, 先让组织干事刘云暂时代理二连指导员.» – «Командир второй роты расцвел. Мы посоветовались с Чжан Пэем, уж лучше пока временно исполняющим его обязанности будет Ли Юнь».

2. 光荣 (досл. «слава») обозначает любой доблестный или славный поступок, совершенный по справедливости или во благо народа. Смерть на поле боя – вполне обычное, к сожалению, явление, и китайцы не любят для обозначения его использовать слово «战死» (смерть в бою). Идеологическая обстановка в Народно-освободительной армии такова, что нет высшего подвига, чем пожертвовать своей жизнью ради народа, и поэтому для денотации смерти в бою часто

используется слово «光荣». В китайской прессе или литературе часто можно увидеть такое выражение: 如果我光荣了, 请组织照顾好自己的老母亲。 – «Если я прославлюсь, пожалуйста, позаботьтесь о моей матери».

3. 拉歌 (досл. «перетягивание песни») – мероприятие, при котором два или более строя соревнуются в том, кто лучше споет строевую песню. При этом данный вид деятельности отличается от гражданских аналогов и является своего рода военным развлечением. Перед тем, как в части организуется какой-либо вид деятельности, подразумевающий участие нескольких подразделений, обычно организуется это «перетягивание песни». На самом деле, ни о какой мелодичности здесь речи не идет: кто громче прорычит песню, тот и победил. Считается, что это имеет и вполне прикладное значение: к новым задачам личный состав будет уже морально готов и «разогрет», а само действие воспитывает дух победителя. «下次拉歌的时候, 你仔细看看老李, 我想他没有努力» – «В следующий раз, когда будем тянуть песню, посмотри повнимательнее на старину Ли, мне кажется, он совсем не старается».

4. 交公粮 (досл. «продразверстка») – изначально под этой лексемой подразумевалась передача всех видов продовольствия крестьянством государству. Эта система была отменена в Китае довольно давно, но, тем не менее, данное слово закрепилось на флоте: надводных и подводных кораблях, где по-прежнему широко используется. Когда корабль выходит в море, члены экипажа нередко страдают от морской болезни, итогом чего становится тошнота и рвота. Произошла метафоризация значения, и вышеописанный процесс во флоте получил название «продразверстка». На флоте часто можно услышать: 上回随舰艇机动防风, 风大浪高, 一路上都在交公粮. «На прошлых маневрах ветер был сильный, высоко вздымал волну, весь путь то и делали, что занимались продразверткой».

5. 抓舌头 – полностью соответствует русскому «поймать языка». Под языком подразумевается захваченный с целью получения данных солдат противника. Например: «抓舌头也得技术升级, 需要通过侦察、窃听

¹ Армейский сленг = 部队俚语 / Новостной центр НОАК. Электрон. дан. 2018. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1614755710615748686&wfr> (дата обращения: 10.03.2019); Газета Чжунго Гофанбао = 中国国防报. URL: http://www.mod.gov.cn/jmsd/201702/16/content_4772707.htm (дата обращения: 12.03.2018).

等手段获得敌情» – «Чтобы поймать языка, необходим высокий уровень техники исполнения, необходимо также собирать разведданные посредством разведки и перехвата».

6. 军姐夫, 兵哥哥 (军嫂) (досл. «браток-военный», «сестрица военная») – обозначение для товарищей по службе. Поскольку все военнослужащие одной части считаются одной большой семьей, то военнослужащих-женщин часто называют «сестрицами», а мужчин – «братками». Это же слово часто можно услышать в обращениях простых жителей к военным. «Братка, ты еще не отдыхал что ли? Уже второй день как в часовых стоишь, небось, устал как собака».

7. 冒泡 (досл. «пузыриться») – неправильно выполнять движение или думать отлучно от коллектива. В широком смысле обозначает ошибку в быту или тренировке. Например: а. «下达“向右看齐”的命令, 别人都向右看齐, 就你向左看齐, 那么你就冒泡了» – «Если по команде «Налево – равняйся!» весь строй повернул голову налево, а ты – направо, то ты все, вспузырился».

8. 猛遮百丑 (досл. «одной храбростью закрыть сотню несовершенств») – фразеологизм, побуждающая к смелым и решительным действиям без страха боли или показаться нелепым – все это перекрывается результатом. Например: а. «爬战术的时候不要怕疼, 一猛遮百丑, 痛痛就过去了.» – «Когда изучаешь тактику, не бойся боли, храбрость покрывает сотню несовершенств, а боль быстро проходит»; б. «一猛遮百丑, 不信? 班长示范给你看!» – «Храбростью покрыть можно сотню несовершенств, не веришь? Сейчас командир отделения тебя научит!».

9. 盖帽 – изначально спортивный термин, обозначающий блокшот, накрывание мяча сверху. В военном дискурсе используется для описания глухого к голосу рассудка человека или абсурдной ситуации, выражая тем самым предельное возмущение. Например: а. «包扎练了这么久你们还没学会, 真是盖帽了!» – «Столько долго учились накладывать повязки, и до сих пор ничего не умеете, вот те на!»; б. «我也是盖帽了, 怎么遇到了你们这几个新兵.» – «Я от вас в

осадке, и как только мне попались такие новобранцы...».

10. 跑马 (досл. «скачки») – марш-бросок, очень изнуряющий вид физических упражнений. Например: а. «跑马的汉子你威武雄壮!» – «О как могуче ты, слово – маршбросок!».

11. 小店 (досл. «магазинчик») – любой магазин, расположенный на территории части, ср. рус. «чепок». Например: а. «又发津贴了, 走走走, 上小店去!» – «Зарплату выдали! Давайте, шевелитесь, идем в чепок!»; б. «小店虽好, 可不要贪吃哟.» – «Чепок, может, и хорош, но вот прожорой от этого становиться не надо».

12. 窝侏 (досл. «прятать достоинство») – данная лексема описывает неподобающий воинский внешний вид, неправильный моральный облик или никудышный подход к выполнению задачи. Может редуцироваться: 窝窝侏侏. Например: а. «把军姿站好站正, 把手贴紧, 站的这么窝侏!» – «Примите строевую стойку, прижмите руки, посмотрите, все достоинство попрятали!».

13. 精干 (досл. «лучший, отборный») – описывает находчивого и умного человека. Например: а. «什么叫精干, 你们看看隔壁小明就知道了» – «Что такое «лучший»? Посмотрите на вашего товарища Сяо Мина и все поймете!»; б. «嗯, 把脸包上之后, 看上去精干多了.» – «Вот, забинтовали тебе голову, и выглядеть ты стал гораздо умнее».

14. 嗷嗷叫 (звукоподражание крику) – описывает подъем боевого духа, решительность на тренировке. Например: а. «别看他们都是新兵, 可个个都是嗷嗷叫的小老虎» – «Не смотри на то, что они все новобранцы, каждый из них – ревущий тигр!»

15. 熄火 (досл. «гасить огонь») – изначально термин обозначает внезапную остановку двигателя, в армии обозначает непредвиденное обстоятельство, препятствующее достижению поставленной цели. Например: а. «放杠铃的时候慢一点, 不要把自己搞熄火了» – «Опускайте штангу плавнее, чтобы не надорваться». б. «这次理论考核, 咱们全班熄火, 没一个及格.» – «По результатам летучки, весь взвод разгромлен, зачет не сдал никто».

в. «体能训练, 感觉自己快要熄火了。」 – «Вот уж тренировка, чую, вот-вот лопну».

16. 迷瞪 (досл. «быть в смятении») используется при описании состояния растерянности, возникающего в ходе тренировки или работы, вследствие чего может быть допущена ошибка или возникнуть непонимание. Может употребляться в удвоенной форме. Например: а. «都来部队一个月了, 怎么还这么迷瞪!» – «Уже месяц как в войсках, что ж вы до сих пор так мешкаете!» б. «两眼一睁, 迷迷瞪瞪; 床上一躺, 啥都不想» – «Глазами хлопает, ничего не понимает; как лег на кровать, так ни о чем не мечтает».

17. 干干干 (досл. «до дна!») в войсках используется в качестве тоста во время празднеств. Например: а. «把饮料满上, 我来开个头, 大家一起三声干!» – «Наливай! Позвольте начать, трехкратное «до дна!»».

18. 整顿 (досл. «навести порядок») – наладить дисциплину, привести в порядок поведение. Например: а. «整顿不是目的, 改掉不良风气才是目的.» – «Наша цель – не наведение порядка, а устранение причин беспорядка».

19. 抠手机 (досл. «копаться в телефоне») – в войсках термин обозначает использование мобильного телефона. а. «你看看你们, 一到休息时间就一心一意扑倒抠手机上, 内务也不管.» – «Только посмотрите на себя, во время отдыха сразу же хватаетесь за свои мобильники, больше ни на что внимания не обращаете». б. «今天考核不合格的, 谁都别想抠手机!» – «Сегодняшнюю летучку никто не сдал, теперь даже не думайте доставать телефон!».

20. 三个一百 (досл. «три по сто») обозначает три физических упражнения, чаще всего отжимания, подъем корпуса из положения лежа и приседания, которые нужно сделать в сто повторений. Например: а. «你们每天晚上坚持做完三个一百, 我包你们体能素质突飞猛进» – «Не забывайте каждый вечер делать три по сто, и я вам гарантирую, что ваши физические показатели взлетят к небесам».

21. 丘八 (образовано от графического обособления двух графем в составе иерогли-

фа 兵) – солдат, боец. Используется преимущественно в письменной речи.

а. «老王当过兵以后, 真是个丘八, 太死心眼儿了.» – «После того как старина Ван отслужил срочку, превратился прямо в какого-то солдафона, твердолобым стал до жути».

22. 老兵油子 (образовано от сложения двух слов «老兵» – ветеран и «油子» – проныра) – тертый калач, стреляный воробей. «他在部队已经 20 年了, 没人像这个老兵油子一样灵巧.» – «Он в войсках уже как 20 лет, еще не видел никого хитрее этого стреляного воробья».

23. 八零 (досл. «восемь-ноль») – сленговое обозначение для гранатомета калибра 80 мм. «上次演习的时候, 有一个八零手失手把人杀了.» – «На прошлых учениях один восьми-десяточник запустил гранату не туда по неосторожности и человека убил».

24. 山炮 (досл. «горная артиллерия») – кретин, идиот. Используется преимущественно военнослужащими северных регионов Китая. а. «我开玩笑告诉他明天需要5桶铀, 这山炮连想也没想就去仓库找一些.» – «Я ему в шутку сказал, что к завтрашнему нужно 5 ведер урана, так этот кретин взял и пошел искать на склад».

Произведя анализ данных примеров, мы можем вывести следующие положения.

1. Стоит начинать с поиска эквивалентов в языке перевода. 2. При отсутствии эквивалентов необходимо использовать переводческие трансформации. 3. Ведущими переводческими трансформациями при переводе китайского военного сленга будут модуляция, компенсация, описательный и эвфемизация. 4. Необходимо учитывать контекст и ситуацию для выбора корректного уровня эквивалентности передачи информации. 5. Также необходимо учитывать культурную и когнитивную разницу между источником сообщения и реципиентом.

Обобщая, мы можем сказать, что китайские военные сленгизмы представляют собой комплексное явление в специальной теории военного перевода и в частной теории перевода языковой пары китайского и русского языков. В данных языковых единицах переплетаются армейские, специфичные китай-

ские и иные культурные элементы. В лингвистическом плане перевод китайского военного сленга имеет следующие особенности: обязательное присутствие экспрессивно-оценочных коннотаций; обозначение объектов и понятий военной действительности; соответствие стилистическим выразительным и изобразительным средствам, а также узусам языков перевода; высокой возможностью в лексикографическом применении. В редких случаях наблюдаются вкрапления военного сленга в формальную часть институционального военного дискурса на официальном уровне, что носит окказиональный характер. Это связано, прежде всего, с эмоциональной реакцией на какое-то событие, и при этом переводчику необходимо учитывать ряд факторов: во-первых, прагматику высказывания, во-вторых, макроконтекст и ситуацию, в-третьих, имплицитный смысл содержания высказывания, и, в-четвертых, культурную и когнитивную специфику реципиента [2; 10]. В некоторых случаях при переводе с сохранением сниженности стиля используемой лексики может возникнуть конфуз или превратное понимание содержания [14–16]. С другой стороны, иногда слишком «сухой перевод» не может достичь той степени воздействия на реципиента, которая изначально закладывалась источником сообщения [17; 18]. Если говорить о переводе военных сленгизмов, то можно обозначить наиболее употребимые переводческие трансформации. В первую очередь, при переводе военных сленгизмов чаще всего используются методы компенсации и модуляции. Метод компенсации применяется в тех случаях, когда определенные элементы текста на исходном языке по той или иной причине не имеют эквивалентов в переводящем

языке и не могут быть переданы его средствами; в этих случаях, чтобы восполнить («компенсировать») семантическую потерю, вызванную тем, что та или иная единица исходного языка осталась непереуведенной или не полностью переуведенной (не во всем объеме своего значения), переводчик передает ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике [19; 20]. Также существует еще один трансформационный прием – описательный перевод. Данная многофункциональная замена применяется для разъяснения неизвестных читателю перевода слов и понятий, которые нуждаются во внутреннем комментировании, либо когда непривычное реципиенту слово заменяют при переводе более привычным [21]. Как правило, описательный перевод представляет собой лексическую замену с генерализацией, сопровождаемой лексическими добавлениями. Нередко при внутреннем комментировании слова переводчик сохраняет само слово в транскрибированном виде и одновременно создает дополнительные конструкции. Если сленгизмы относятся также к числу вульгарной или нецензурной лексики, то используется прием эвфемизации. Эвфемистический перевод заключается в замене слов оригинала, несущих сильную или грубую экспрессию на слова с менее сильной экспрессией в переводе.

Результаты данного исследования можно использовать для разработки тематических словарей китайского военного сленга, а также для проведения различного вида занятий по практическому курсу перевода китайского языка, семинаров по современной проблематике перевода.

Список литературы

1. Демьянков В.З. В пространстве языка и культуры. Звук, знак, символ. М.: Языки славянских культур, 2010. 862 с.
2. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 116-133.
3. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4–4. С. 1055-1058.
4. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолнгвистический и эмотивный аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185-196.
5. Шевченко М.А., Игнатов А.А., Гураль С.К. Роль профессионального подъязыка в обучении военному переводу // Язык и культура. 2015. № 4. С. 164-172.

6. Шевченко М.А., Митчелл П.Д. Обучение военных переводчиков в гражданском вузе (опыт Национального исследовательского Томского государственного университета) // *Язык и культура*. 2013. № 1 (21). С. 125-131.
7. Поляков О.Г. Цели профильно-ориентированного обучения иностранным языкам в вузе: опыт формулирования // *Иностранные языки в школе*. 2008. № 1. С. 2-8.
8. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
9. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // *Городское просторечие: проблемы изучения*. 1984. С. 5-12.
10. Григорьев В.А. Семантико-прагматические функции риторических вопросов во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1987. 24 с.
11. Partridge E. *Slang Today and Yesterday*. L.: Law Book Co of Australasia, 1970. 486 p.
12. Макурина И.Ю. Военный текст: стратегии обучения военному переводу // *Lingua Mobilis*. 2015. № 1 (52). С. 137-140.
13. Тань Сюэпин. Нельзя недооценивать использование и изучение военной терминологии = 学好用好军语不可小觑. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2017/0217/c1011-29089443.html> (дата обращения: 15.06.2019).
14. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 318 с.
15. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1983. 269 с.
16. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М.: Самиздат, 2011. 288 с.
17. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
18. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. 224 с.
19. Которова Е.Г. Понятие межязыковой эквивалентности в семантических теориях. Томск: Изд-во Томск. гос. педуниверситета, 1997. 93 с.
20. Миньяр-Белоручев Р.К., Остапенко В.П., Ширяев А.Ф. Учебник военного перевода: Фр. яз. Спец. курс / под ред. Р. К. Миньяр-Белоручева. М.: Воениздат, 1984, 1985. 391 с.
21. Гарбовский М.К., Мишуров Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*. 2010. № 2. С. 16-41.

References

1. Demyankov V.Z. *V prostranstve yazyka i kul'tury. Zvuk, znak, simvol* [In the Space of Language and Culture. Sound, Sign, Symbol]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, 862 p. (In Russian).
2. Demyankov V.Z. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of political discourse in the mass media]. *Yazyk SMI kak ob'yekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Mass Media Language as an Object of Interdisciplinary Research]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2001, pp. 116-133. (In Russian).
3. Yusupova T.S. Strukturnyye osobennosti voyennogo diskursa [Structural features of military discourse]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2009, no. 4–4, pp. 1055-1058. (In Russian).
4. Karasik V.I. O kategoriakh diskursa [On discourse categories]. *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskiy i emotivnyy aspekt* [Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects]. Volgograd, Peremena Publ., 1998, pp. 185-196. (In Russian).
5. Shevchenko M.A., Ignatov A.A., Gural S.K. Rol' professional'nogo pod'yazyka v obuchenii voyennomu perevodu [The role of professional sublanguage in teaching military interpreting]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2015, no. 4, pp. 164-172. (In Russian).
6. Shevchenko M.A., Mitchell P.D. Obucheniye voyennykh perevodchikov v grazhdanskom vuze (opyt Natsional'nogo issledovatel'skogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta) [Educating military interpreters in civilian higher education institutions (the experience of National Research Tomsk State University)]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2013, no. 1 (21), pp. 125-131. (In Russian).
7. Polyakov O.G. Tseli profil'no-oriyentirovannogo obucheniya inostrannym yazykam v vuze: opyt formulirovaniya [The goals of profile-oriented teaching of foreign languages at the university: the experience of formulating]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2008, no. 1, pp. 2-8. (In Russian).

8. Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. *Yazykovoye sushchestvovaniye sovremennogo gorozhanina: na materiale yazyka Moskvy* [The Linguistic Existence of a Modern Citizen: on the Material of the Moscow Language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, 496 p. (In Russian).
9. Kapanadze L.A. Sovremennoye gorodskoye prostorechiye i literaturnyy yazyk [Modern urban vernacular and literary language]. *Gorodskoye prostorechiye: problemy izucheniya* [Urban Vernacular: Study Problems], 1984, pp. 5-12. (In Russian).
10. Grigoryev V.A. *Semantiko-pragmaticheskiye funktsii ritoricheskikh voprosov vo frantsuzskom yazyke: avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic and Pragmatic Functions of Rhetorical Questions in French. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kishinev, 1987, 24 p. (In Russian).
11. Partridge E. *Slang Today and Yesterday*. London, Law Book Co of Australasia Publ., 1970, 486 p.
12. Makurina I.Y. Voyennyy tekst: strategii obucheniya voyennomu perevodu [Military texts: strategy for teaching translation]. *Lingua Mobilis*, 2015, no. 1 (52), pp. 137-140. (In Russian).
13. Tan Syuepin. Nel'zya nedootsenivat' ispol'zovaniye i izucheniye voyennoy terminologii = 学好用好军语不可小觑. Available at: <http://military.people.com.cn/n1/2017/0217/c1011-29089443.html> (accessed 15.06.2019).
14. Bell R.T. *Sotsiolingvistika. Tseli, metody i problem* [Sociolinguistics. Goals, Methods and Problems]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1980, 318 p. (In Russian).
15. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic Country Studies in the Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1983, 269 p. (In Russian).
16. Golub I.B. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [Russian Language and Culture of Speech]. Moscow, Samizdat Publ., 2011, 288 p. (In Russian).
17. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990, 253 p. (In Russian).
18. Komissarov V.N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Contemporary Translation Studies]. Moscow, ETS Publ., 2004, 224 p. (In Russian).
19. Kotorova E.G. *Ponyatiye mezh'yazykovoy ekvivalentnosti v semanticheskikh teoriyakh* [The Concept of Interlanguage Equivalence in Semantic Theories]. Tomsk, Publishing House of Tomsk State Pedagogical University, 1997, 93 p. (In Russian).
20. Minyar-Beloruhev R. K., Ostapenko V.P., Shiryayev A.F. *Uchebnik voyennogo perevoda: Frantsuzskiy yazyk. Spetsial'nyy kurs* [Military Translation Textbook: French Language. Special Course]. Moscow, Voenizdat Publ., 1984, 1985, 391 p. (In Russian).
21. Garbovskiy M.K., Mishkurov E.N. Voyennyy perevod v sovremennoy mire (teoretiko-metodologicheskiye, lingvisticheskiye, voyenno-istoricheskiye i sotsial'no-politicheskiye aspekty) [Military translation in the modern world: theoretico-methodological, linguistic, historical and politico-social aspects]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda – The Moscow University Herald, Series 22, Translation Theory*, 2010, no. 2, pp. 16-41. (In Russian).

Информация об авторах

Белов Данил Николаевич, переводчик Лингвистического центра. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: dan5598@ya.ru

Вклад в статью: рассмотрение неформального уровня военного дискурса китайского языка, перевод, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9138-473X>

Селиванов Денис Владимирович, преподаватель кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов. Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация. E-mail: franzguggel@gmail.com

Вклад в статью: описание феномена дискурса, анализ литературы, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8577-646X>

Information about the authors

Danil N. Belov, Interpreter of Linguistic Center. Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: dan5598@ya.ru

Contribution: consideration of informal level of Chinese language military discourse, translation, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9138-473X>

Denis V. Selivanov, Lecturer of English Language for Natural-Science and Physical-Mathematic Faculties Department. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Contribution: discourse phenomenon description, literature analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8577-646X>

Митчелл Петр Джонович, доктор педагогики, зав. кафедрой перевода и языковых коммуникаций факультета иностранных языков. Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация. E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ сходства и различий языков, обозначение сложностей перевода военного сленга, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Митчелл Петр Джонович
E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Поступила в редакцию 13.08.2019 г.
Поступила после рецензирования 04.09.2019 г.
Принята к публикации 25.10.2019 г.

Peter J. Mitchell, Doctor of Pedagogy, Head of Translation and Language Communications Department of Foreign Languages Faculty. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Contribution: study conception, similarities and differences of languages analysis, difficulties of military slang translation indication, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Peter J. Mitchell
E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Received 13 August 2019
Reviewed 4 September 2019
Accepted for press 25 October 2019